

ПРЕДИСЛОВИЕ

Попросил тут меня Ростислав написать предисловие к его новой книжке. Я, было, уселась писать, но решила посмотреть, что вообще о нём люди говорят. И увлеклась. Потому что говорят о нём очень и очень прямо не последние на планете люди. Но говорят, как бы это сказать... Очень уж неоднозначно... Ладно, когда MORGENSHTERN называет его то «прикольным парнем» чтоб попить чайку, а то вовсе – «ох .. енным, великим человеком». Ну, дружат люди, сама видела и знаю.

А вот когда АЛЕКСЕЙ НАВАЛЬНЫЙ вдруг раздражается дюжиной постов с упоминаниями Ростислава, называя его «едросовским ворьём», «жуликоватым хмырём» и т.д. и т.п.? Так и хочется спросить: если ты украл все бабло едросов, почему у тебя хата в ипотеке, лузер?

ГЕОРГИОС ПАПАНДРЕУ, экс-премьер Греции, явно не разделял мнение Навального, когда был официальным рекоммендатором Мурзагулова, поступающего на работу в ООН. (Штааа? Премьер Греции? Рекоммендовал Ростислава? Вот с какого, казалось бы?..) И уже почти начинаешь, как Алишер, считать Ростислава «великим», но тут натыкаешься на мнение популярного ютубера СТАСА («Уютные стримы»), который рассказывает, что Ростислав – он как раз один из тех, кто вводит цензуру в СМИ,

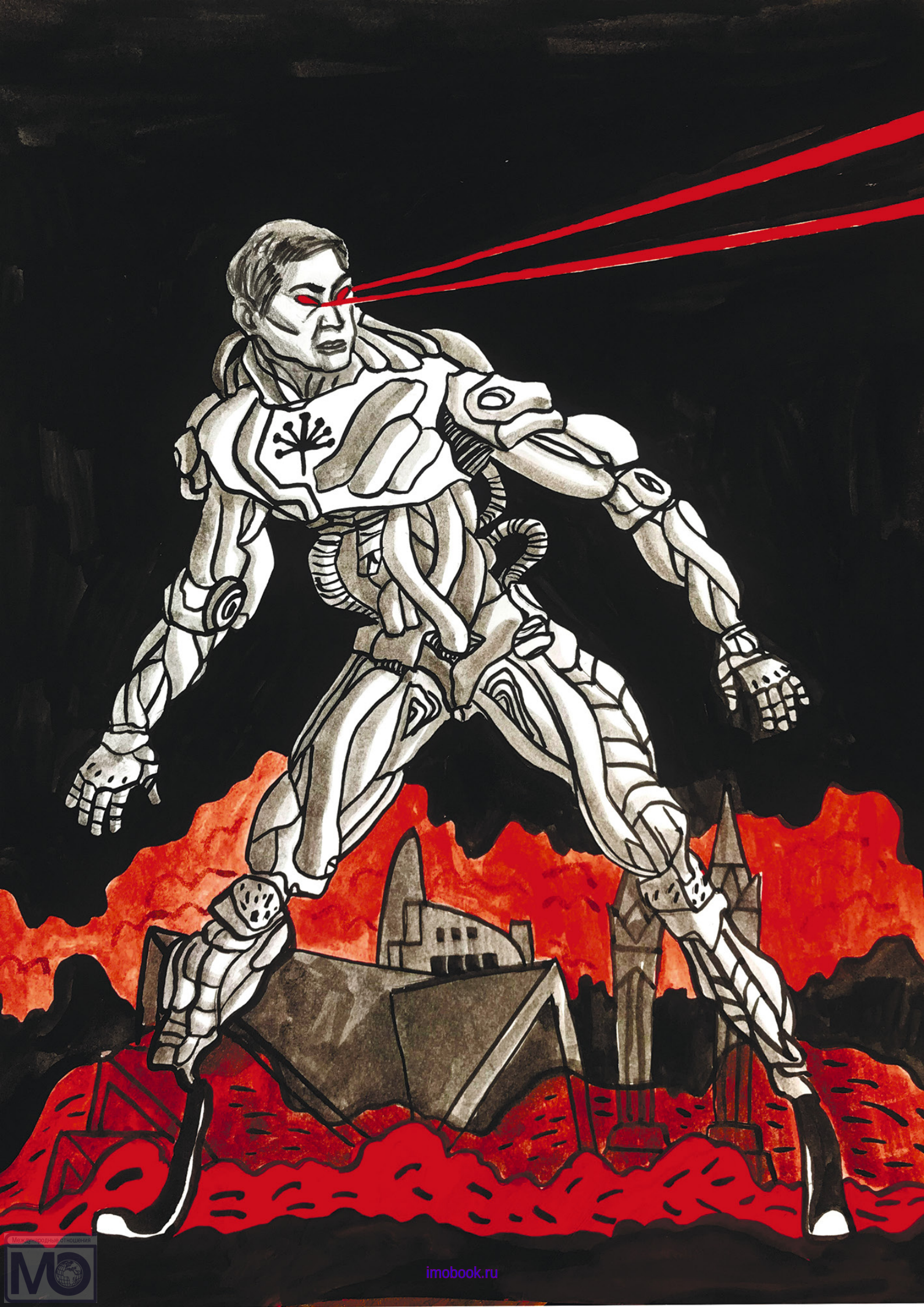
подтасовывает результаты выборов и вообще, всячески лишает народ свободы. С помощью Моргенштерна, кстати. И уже совсем съезжает крыша, когда авторитетнейший и совсем не любящий власть политолог СТАНИСЛАВ БЕЛКОВСКИЙ прямо называет роман Мурзагулова «лучшей книгой всех постсоветских лет о региональной политике»... Вот прямо лучшей. А вот Белковский – точно соображает: и в политике, и в литературе. В довершение ко всему – авторитетные профессора ДОРСКИЙ и МАНОЙЛО пишут одобрительные рецензии на его пособие по философии, изданное в одном из крутейших университетов страны.

В общем, почитала я всех их и решила предисловие не писать. Ростислав все свои книжки пишет не о ком-нибудь, а о себе, любимом. Пишет крайне откровенно и честно. Даже чрезмерно честно – я все же неплохо его знаю. И с первых же строк понятно, зайдет вам это чтиво или не зайдёт. Так что приступайте и решайте сами, чье из вышеперечисленных мнений вам ближе.

Но, точно так же, как и всех вышеперечисленных, равнодушными никого из вас он не оставит.

Как не оставил и меня.

Ульяна Тригубчак

ЗА ДВЕ МИНУТЫ ДО ВТОРОЙ СМЕРТИ

Сегодня 11 ноября 2058 года, 6 часов утра, и через несколько минут я умру. Умру во второй раз в жизни, но снова останусь в живых. Это не эзотерика, не побасёнки про клиническую жизнь, свет в конце тоннеля и прочую хрень.

Все проще.

Моя первая смерть была самой обыкновенной.

Весной 2024 года я ехал на любимом чоппере в университет, где должен был рассказывать своим смышленным первокурсникам о становлении Цифровой эры. Это был мой конёк, тема отлично воспринималась юными философами-центениалами, которые были рады говорить об этом с молодым не занудным лохматым-бородатым преподам в кольцах-браслетах-серьгах, модной майке и дырявых джинсах. Теплый день никаких угроз не готовил.

Водил мотоцикл я к тому времени лет двадцать пять и был вполне осторожен. Но шестидесятипятилетний идиот, поворачивающий со второстепенной дороги налево, привычно искал взглядом только квадратные коробки машин. И мой мотоцикл своим дурацким старым джипом он просто вмял вместе со мной в асфальт.

Я услышал треск собственного черепа, почувствовал жуткую боль и отключился.

Сознание рисовало причудливые тревожные сны. Иногда, как казалось, до меня доносились какие-то проявления реального мира. Понятия не имею, сколько времени это продолжалось.

Открыв глаза, я удивился, что больше нет никакой боли. По моим ощущениям от аварии до отключки и пробуждения прошло совсем немного времени, и я думал: все, что во мне было раздавлено всмятку, не могло так быстро восстановиться.

Ко мне наклонился старший брат Макс. Он разглядывал меня восторженно, так, как мы оба в детстве таращились на что-то очень новое, внезапное и крутое. «Видимо, сломался я

прилично», – так объясняло сознание восторг брата.

Я даже не представлял себе, насколько все было серьезно.

– Котяра!!! Котище!!! Котик! Это ты!!! Твою мать, ты живой!!! – склонял Макс на все лады мое детское прозвище.

Некоторое время я не решался ничего сказать ему в ответ. Как будто мышцы вспоминали, какие из них должны зашевелиться, чтобы начать издавать звуки.

Макс заметно волновался. На лбу выступила испарина:

– Роман. Ты узнаешь меня?

Это было уже слишком:

– Макс, какого хрена я должен был перестать тебя узнавать? Я что, так сильно треснулся башкой своей?

– О, господи... Господи, как круто! Черт, как же это круто! – брат как всегда мешал в одну кучу богов с чертями, он не видел в этом никакой проблемы.

– Что круто-то?

– Всё круто, Котище! Да, ты треснулся очень сильно. Я расскажу тебе... со временем. Наверное, все вываливать на тебя сейчас будет слишком большим стрессом, так что приходи в себя, просыпайся, оживай. Да! – нервически расхохотался он. – Оживай! Это слово тут очень подходит!

– Макс, ты знаешь меня уже сорок с лишним лет и прекрасно понимаешь, что я не отстану, пока ты прямо сейчас в самых мелких деталях не расскажешь, что стряслось...

– Сорок? Брат, я знаю тебя уже под восемьдесят лет.

Соображал я туго, но тут все, в целом, было понятно.

– А. Понял. То есть я был без сознания лет тридцать пять? И сейчас я – глубокий старик?

– Все гораздо интереснее. Тридцать четыре года назад ты умер. А сегодня – воскрес!

Прямо без балды – воскрес, как Иисус, мать его, Христос! И ты ни хрена не старик, твоё тело может ещё и в Олимпийских играх спокойно участвовать!

– Ну-ну. Ты хотел сказать – в Паралимпийских?

– В Олимпийских, брат, в самых что ни на есть Олимпийских!!!

Передо мной был триумфатор. Тренер команды, только что выигравшей Лигу Чемпионов. Причем команды, которой пророчили вылет ещё на групповой стадии.

Я потихоньку начал догадываться, что Макс имеет самое непосредственное отношение к моему воскрешению. Этот вывод в состоянии был сделать даже мой сильно приторможенный поначалу мозг.

Макс был очень и очень продвинутым доктором, далеко не последним в медицине человеком. Он владел крупнейшей частной сетью медицинских клиник одной из губерний нашей страны. Ещё он был известным визионером, меценатом, философом и влиятельным общественником, вхожим в самые-самые элитарные политические и деловые круги.

Макс улавливал все новые тренды и решался делать то, что до него не решался

делать никто. Само собой, была в его планах и победа над старостью и смертью. Мне не слишком интересно было слушать об этом в две тысячи двадцатые годы, но сейчас я начал вспоминать, как он захлеб рассказывал о новейших аппаратах то ли для глубокого охлаждения, то ли для глубокой заморозки трупов. Макс установил эти морозилки в клинике, чтобы его клиенты могли сохранять свои тела в целости до тех пор, пока медицина не научится излечивать то, от чего раньше люди умирали. Судя по всему, первый такой опыт он провернул на мне. И похоже, ему пришлось все делать быстро и учиться всему на ходу, потому что своей внезапной смертью другого выбора я ему не оставил. Мы с Максом родились с разницей в два года, но росли вместе, как сямские близнецы, как две части одного целого, и жизнь друг без друга нам было бы представить трудно. Поэтому он и решился, вероятно, без раздумий на эксперимент по моей заморозке и оживлению. Поэтому и был он сейчас так счастлив и взволнован.

Его сбивчивый рассказ повторил версию, рожденную моим хорошо отдохнувшим мозгом:

– 15 мая 2024 года утром мне позвонил главврач больницы скорой помощи и сказал,

что ты попал в аварию, тебя везут к нему, а шансы выжить равны нулю. «Повреждения мозга, несовместимые с жизнью», – так звучал его приговор. Он позвонил, чтобы подготовить меня к известию о твоей гибели, но тем самым дал шанс тебя воскресить. Потому что сразу после того, как была констатирована смерть, я поместил тебя в криокамеру. Мы слили из тебя все замерзающие жидкости, а после твой холодный замороженный труп три с лишним десятка лет ждал, когда появятся технологии, позволяющие восстановить совместимость твоего расплющенного мозга с жизнью. Разумеется, позанимались мы и остальным твоим телом. Почти все твои внутренние органы, братец, заново выращенные или искусственные. Но особо скучать по своей устаревшей плоти не стоит. Мы уже лет десять создаем тела значительно эффективнее Отца, Сына, Святого Духа и кто там еще этими вопросами раньше занимался. Твое тело сейчас в самом расцвете, врач из начала двухтысячных дал бы тебе лет двадцать пять, не больше.

Макс ходил по белой комнате и жестикулировал, как начинающий актер на школьном спектакле. Думаю, примерно так выглядели Ньютон, только что открывший силу